

Александр ВАРГО

ЦИНКОВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Хоронить надо вовремя...

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго
Цинковый поцелуй

«ЭКСМО»

2008

Варго А.

Цинковый поцелуй / А. Варго — «Эксмо», 2008 — (MYST.
Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-70472-9

Обычная бытовая ссора обернулась трагедией: Паша Шикунов в припадке ярости убил свою любовницу Ксению. Убил – и испугался. Испугался, что из-за этой стервы придется сесть в тюрьму, и надолго. А в тюрьму Паше ой как не хотелось. И решил он избавиться от тела. Только вот сделать это оказалось непросто. Телу очень не понравилось, что его собираются выбросить на свалку как обычный бытовой мусор. Ксения решила ненадолго вернуться в жизнь, чтобы наказать своего убийцу... Книга также выходила под названием «Уик-энд с мертвой блондинкой».

ISBN 978-5-699-70472-9

© Варго А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Дело было вечером	6
Тот, кто сидит в пруду	15
Голубой квадрат неба	32
Глава I	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Варго

Цинковый поцелуй

© Варго А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Дело было вечером

Утро, похожее на ночь – светает поздно.

В подъезде старого фонда – пещерная тьма. Лампочка разбита или вывернута. Свет фонарей сочится с улицы и вязнет в липком темном воздухе.

Женщина. Немолодая. В руках две кошелки.

Спотыкается, глаза не привыкли к смене освещенности. Ступает осторожно, вытянутой рукой шарит, ищет стенку. Спотыкается снова – на мягком. Испуганно вздрагивает. Кошка? Пьяный?

Проворно поднимается, нащупывая ногами ступени. Площадка, первая дверь – ее. Отпирает неловко, одной рукой, кошелки – в другой. Шаг – и она на своей территории. Вспыхивает свет, груз опускается на пол. Оборачивается закрыть дверь и... – зачем? зачем? ей ведь это не нужно, не интересно, она дошла, она дома... – поневоле бросает взгляд назад, туда, где споткнулась.

Рвущийся из двери неправильный прямоугольник света. В нем – там, на семь ступенек ниже – ноги. Пьяный?.. Нет. Ноги женские – ажурные колготочки, изящные полусапожки. Или пьяная, или...

Женщина не хочет этого, но делает шаг. Обратно, за порог. Граница света и тьмы резка, как шрам от бритвы. Шорох сзади и слева. «Кто, кто здесь?» Это не крик – испуганный шепот. Тот, кто во тьме, не отвечает. Он прыгает. Женщина сбита с ног. Успевает увидеть клоунскую маску лица – красное на белом. Огромный красный рот. Клоун грустен, и это не улыбка – это оскал. Больше женщина не успевает ничего.

За три квартала оттуда. Накануне. Вечер.

Левый угол рта приподнимала неприятная усмешка, обнажая длинный, желтый, слегка изогнутый клык. Вниз по подбородку тянулась струйка темной венозной крови... Лицо – смесь туповатого инфантилизма и зверской, исконно-животной жестокости.

Словом, клевая маска – «Мальчик-Вампир», герой одноименного сериала, ничем не отличался от своего экранного прототипа. И стояла игрушка, надо думать, денег немаленьких. Но Эдик Захаров, щедрая душа, деньги никогда не считал и не жалел (отцовские, разумеется).

Оказалось, что снаружи маска «Мальчика» куда привлекательней, чем изнутри. Внутри она воняла резиной и липла к лицу. А глазные отверстия никак не хотели совпадать с глазами владельца...

Посему игра в «Мальчика-Вампира» не затянулась – Борис и Танька, примерив личину, наотрез отказались исполнять главную роль. Подавляющим большинством голосов (три «за» при одном воздержавшемся) «Вампиром» был назначен Димка, сосед Эдика по площадке. Щуплый, невысокий парнишка – он был самым тихим и безответным в их маленькой компании.

Вдохнув, Димка снял очки и натянул маску.

Эдик погасил свет – игра началась. Со стороны это напоминало жмурки: Димка, и без того близорукий, мало что видел из-под маски в слабом свете уличных фонарей, сочащемся с улицы. И монстр в его исполнении неуверенно ковылял по Эдиковой квартире, расставив руки. Натыкался на мебель. Уныло завывал вампирским голосом. Сюжету это, в общем, соответствовало – «Мальчик» был силен и свиреп, но несколько медлителен и неповоротлив.

Остальные прятались по углам, визжали и делали вид, что до смерти напуганы. Квартирка у Эдика была *не очень* (по мнению Таньки и Бориса) – всего четыре комнаты. Но просторная, в старом фонде, чуть не полторы сотни метров общей площади – играющим было где разгуляться.

Но главные герои подростковых игр и сериалов обязаны, попереживав и вдоволь натерпевшись страха, побеждать прожорливую нечисть... Эдик, укрывшийся в тесном закутке между музыкальным центром и компьютерным столиком, выбирал удобный момент для атаки малолетнего упыря.

– Ральф! Спаси меня, спаси, спаси-и-и... – томным голосом Танька процитировала положительную героиню Луизу, отобедать которой «Мальчику-Вампиру» все никак не удавалось в добром десятке серий кряду.

Она, завизжав, увернулась от вурдалачьей лапы и протиснулась в убежище Эдика.

– Спаси-и-и!!!! – пронзительный визг перешагнул ультразвуковой барьер.

А Танька постаралась как можно плотнее прижаться грудью к плечу Эдика.

– Возвращайся в ад! – выкрикнул Ральф-Эдик ритуальную фразу и пронзил острым колом сердце ненасытного кровопийцы.

Ну, не совсем пронзил и не совсем колом... Но конец принадлежавшей фокстерьеру Чарли палки-поноски весьма чувствительно ткнулся Димке в ребра, отбросив его и заставив совсем не наигранно вскрикнуть.

– Вампир повержен! – радостно объявил Борис и включил свет. Ему душераздирающий визг сестры успел порядком надоест. И он мрачно-торжественным голосом добавил финальную реплику:

– Но иногда они возвращаются...

– Еще разочек? – бодро предложил Эдик.

Димка, пытающийся восстановить дыхание после удара, молча покачал головой и стал стягивать маску.

– Ну, ты, салабон... – презрительно процедил Эдик. – Подумаешь, горе-то, тыкнули палкой разочек...

Других желающих побыть «Мальчиком» не нашлось.

Димка, кривясь от боли и массируя грудь, подошел к столу, низко наклонился и стал искать свои очки среди индийских статуэток, поиск которых в антикварных магазинах был любимым увлечением матери Эдика.

В прихожей раздался звонок.

– Ну, вот... – обиженно надула губы Танька.

– Слишком рано, – усомнился Борис, бросив взгляд на украшавший запястье «Ролекс» (подарок отца на окончание седьмого класса). – И обещали позвонить, подъезжая...

Их с Танькой родители должны были приехать вместе с Эдиковыми с какой-то презентации и забрать чад от Захаровых. Эдик прислушался к доносящемуся из необъятной прихожей свирепому лаю Чарли и безапелляционно заявил:

– Не они. Чарли знаете какой сторож? Через две двери своих от чужих отличает!

Дверь приоткрылась на длину мощной хромированной цепочки. Бесцветный мужичок неопределенного возраста, щеголяющий в майке, шлепанцах и вытянутых на коленях тренировочных штанах, попытался подозрительно заглянуть в квартиру:

– У вас тут, эта, все в порядке? А то, эта, никак кричали...

– Играли мы. Иг-ра-ли. – Эдик повторил последнее слово по слогам, словно объяснял дефективному, и, широко распахнув глаза, уставился на пришельца: дескать, есть еще вопросы? А если нет, то проваливай.

Мужичка явно распирала длинная тирада о неуместности шумных игр в десять часов вечера, о развращенности молодого поколения вообще и дурных наклонностях Захарова-младшего в частности. Но связываться с Эдиком и его родителями он не решился.

– Ну, ладно... – понуро начал что-то мямлить сосед, когда дверь с лязгом захлопнулась перед его носом.

– Чем займемся? – проделав ряд хитрых манипуляций с многочисленными замками, Эдик повернулся к компании.

– Может, кино посмотрим? – робко поинтересовался Димка. Вне зависимости от показываемых фильмов ему нравился сам процесс созерцания огромного плоского экрана домашнего кинотеатра.

– Да сколько ж можно на него пялиться... – недовольно протянул Борис.

Действительно, два с половиной часа из этого субботнего вечера у них занял просмотр очередных серий «Мальчика-Вампира». (Отец Эдика, посмотрев как-то случайно минут пять любимый сериал сына, категорически запретил отпрыску даже приближаться к телевизору в часы и дни показа. О том, что можно купить подборку дисков и заниматься просмотром в любое удобное время, папа как-то не подумал.)

– Точно, у нас еще час с лишним... Сыграем еще во что-нибудь? – жизнерадостно предложил Эдик.

Танька промолчала. Уже несколько месяцев ей все сильнее хотелось поиграть с Эдиком в *другие игры*. Особенно после того, как задушевная подруга Иришка, раздуваясь от гордости и используя романские обороты, рассказала, как у нее произошло *это*. Танька же считала, что всегда и во всем первой среди подруг должна быть только она...

Но Эдик, ее ровесник, оставался еще пацан пацаном – целовался пару раз с ней, но, похоже, просто из детского любопытства, – и все. Вот и сегодня: заманил с необычайно таинственным видом в чулан-кладовку и... продемонстрировал извлеченные из какого-то тайника два кошачьих скальпа – охота с подаренной отцом мощной «пневмашкой» увлекала его куда больше, чем общение с прекрасным полом в лице Таньки...

– Бли-ин, совсем забыл! – хлопнул себя по лбу Эдик и выскочил в соседнюю комнату.

– Во! В это мы и сыграем! – гордо объявил он, вернувшись через минуту-другую. В руках у него была книга – старая, пожелтевшая, в мягкой потрепанной бумажной обложке.

– Что это? – подозрительно спросил Борис. Книжки как форма проведения досуга его совсем не привлекали.

– «По Флауэру и Тарханову», понял? – прочитал Эдик наверху обложки, где обычно ставится имя автора, и наставительно поднял палец вверх.

– «Самоучитель гипнотизма» – прикинь, а? Самому можно научиться! «Какъ стать гипнотизеромъ. – Заставьте окружающихъ подчиниться вашей воле» – с расстановкой, значительно, прочитал он еще ниже на обложке.

Заинтересованный Борис потянул самоучитель у него из рук. Подчинять других своей воле ему очень даже нравилось. Еще ниже на обложке змеились загадочно изогнутые буквы: «*Таинственныя силы внушенія*». И совсем внизу, мелким шрифтом:

«С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели. –

Лиговская, 31.

1912»

– Древняя, может, еще дореволюционная... – уважительно сказал Борис.

– Ты че, дурной? До революции царь был. А тут – трудовая артель. Сталинская, факт, – Эдик говорил твердо и уверенно.

Димка, смотревший на самоучитель из-за плеча Бориса, с сомнением покачал головой, но оставил мнение при себе. Он вообще предпочел бы сыграть во что-нибудь спокойное и безобидное. В шахматы, например.

– Я тут в главное уже въехал. Все просто... Берем блестящий предмет...

Выступать в роли гипнотизируемого (по книжке – *медиума*) Борис наотрез отказался. Он не слишком внимательно, перелистывая при этом книгу, смотрел, как Эдик водит взятой

с отцовского стола золоченой зажигалкой перед носом глупо хихикающей Таньки – первого добровольца.

Взгляд Бориса зацепила картинка – несколько человек в старомодной одежде (дамы в юбках до полу, мужчины в светлых летних костюмах) окружили гипнотизера, вперившего магический взгляд в одного из них. Дело происходило на большой открытой летней веранде; гипнотизер выделялся среди всей компании черным фраком и необычайно внушительным видом – Эдику, в его тренировочном костюме, было до этого салонного мага далеко.

...Танька, одеревенело уставясь в одну точку, поднялась со стула и неподвижно выпрямилась.

– Ты балерина! Ты... ну эта... Волочкова, во! Танцуй!! – Эдик командовал голосом повелительным и более низким, чем обычно разговаривал.

Танька начала выполнять какое-то движение, но не выдержала, громко расхохоталась, – смеялась долго, до выступивших слез; не в силах ничего сказать, упала на диванчик и показывала на Эдика пальцем.

«...Выбрать одного, показавшегося по внешности наиболее способным к восприятию внушения...» – прочитал про себя Борис, спотыкаясь на ятях и твердых знаках.

«Да уж, Танька у нас только по внешности и способная, да все что-то не на то», – подумал Борис скептически. Он вообще не сильно верил в гипноз, телепатию и прочую медитацию-левитацию...

– А что так слабо заказал, Эдичка? – Танька наконец просмеялась и игриво поглядывала на Эдика. – Мог бы уж попросить сразу танец со стриптизом...

«Тебе бы только сиськи кому показать, дура... – мысленно констатировал брат несостоявшейся Волочковой. – Достал этот придурок со своими идиотскими играми... Сейчас Димку начнет гипнотизировать, куда тот денется... Будет изображать для Эдика всякие фортели, он и без всякого гипноза тут по стойке смирно стоит и по струнке ходит...»

Борис как в воду глядел. Эдик, не разочарованный первой неудачей, принялся за Димку. Новые опыты по проверке внушаемости прошли успешно: после уверений доморощенного мага в своей над ним власти Димка сначала не смог поднять руки с подлокотника кресла, а потом расцепить сцепленные пальцы – и весьма успешно при этом, по мнению Бориса, изображал легкий испуг и удивление. Довольный Эдик снова начал шаманить с отцовской зажигалкой:

– Смотри внимательно. Не отводи взгляда. Ты видишь только этот предмет и слышишь только мой голос. – Эдик говорил настойчиво, но монотонно; блестящая зажигалка покачивалась перед глазами Димки, медленно приближаясь к ним. – Твои руки отяжелели, ты не можешь их поднять. И не пытайся, твои глаза закрываются, ты засыпаешь, но продолжаешь слышать мой голос...

Димка послушно прикрыл глаза и ровно задышал.

«Да уж, – решил Борис, – чего бы ему не потешить Эдика, пока тот еще какую игру покруче не придумал...»

– Ты спишь, но продолжаешь слышать мой голос... Сейчас ты откроешь глаза и встанешь, но будешь продолжать спать... Встань! Открой глаза! Ты не видишь и не слышишь ничего вокруг, только мой голос и делаешь только то, что скажу я...

Димка встал и открыл глаза. Танька, с любопытством наблюдавшая за этим камланием, удивилась, как он умудрился изобразить такой невидящий, абсолютно отсутствующий взгляд – глаза смотрели не на что-то одно в комнате, а вообще, на все сразу и ни на что конкретно.

– Вытяни руки ладонями вперед! (Димка вытянул.) Сейчас я положу на них два предмета, они легкие, ты можешь держать их сколько угодно!

Эдик метнулся к подоконнику, тут же вернулся с двумя цветочными горшками и поставил их на подставленные ладони.

«Точнехонько по третьей главе шпарит, прямо из книжки», – догадался Борис.

А Эдик гордым жестом показал на застывшего статуей Димку.

– Ну и что тут такого? – разочарованно спросила Танька.

– А вот сама попробуй! – Эдик принес еще один горшок и поставил на ее ладонь. Горшочек, как и те два, был не особенно большой и тяжелый, но верхушка цветка (Борис не знал его названия) колебалась из стороны в сторону, делая видимой мельчайшую дрожь ладони. Два первых стояли абсолютно неподвижно.

– Поняла? Под гипнозом знаешь сила какая? Цепи рвать можно...

Цепей для проверки под рукой не оказалось. Борис решил разоблачить шарлатанство иным способом.

– Значит, ничего не видишь и не слышишь, – зловеще протянул он, надвигаясь на Димку; осторожно, двумя пальцами, снял с него очки и положил на стол. – Не видишь, значит...

Он широко размахнулся и ударил Димке в глаз, остановив летящий кулак в паре сантиметров от его лица. Никакой заметной реакции у Димки не было, и ни один листочек на цветах не дрогнул.

«Сейчас я его отучу прикидываться», – подумал Борис.

И сказал, подражая повелительному тону Эдика:

– Ты – собака! Вставай на четвереньки и лай!

Димка никак не отреагировал.

– Он сейчас только мой голос слышит, факт, – самодовольно объявил Эдик, снимая горшки.

В отличие от Таньки и ее брата, он ничуть не сомневался в своих талантах гипнотизера. И прежним командным голосом повторил приказание Бориса.

Димка лаял размеренно, как заведенный, – один «гав» в две секунды. И, как ни странно, очень правдоподобно получалось: даже Чарли в прихожей захлебнулся в ответном лае, уверенный, что в доме чужая собака.

Эдик выбежал из комнаты, потащил упирающегося пса на кухню. И прикрыл все двери, находящиеся между Чарли и гостиной, где они развлекались.

– Замолкни, хватит, он ушел, – раздраженно сказала Танька, которой происходившее все меньше нравилось. – Замолкни, я сказала!

Димка продолжал монотонно тьявкать, из угла его рта тянулась липкая ниточка слюны... Вернулся Эдик; звуки, производимые Чарли, были теперь почти не слышны.

– Встань и не лай! Ты теперь не собака! – скомандовал Эдик и добавил нормальным голосом, обращаясь к друзьям, – Что бы еще придумать? Может, положим пятками и затылком на два стула – будет лежать прямо, не прогибаясь.

– Надо огнем прижечь. Он не должен ничего почувствовать... – громко и злорадно сказал Борис, внимательно вглядываясь в лицо Димки.

Он все-таки надеялся разоблачить шарлатанство. Но на лице и в пустых глазах Димки ничего не дрогнуло.

– А что, можно... легонько так, сигаретой... – оживился Эдик, двинувшись было к бару, где лежали отцовские запасы. Но тут его осенило:

– Ты – «Мальчик-Вампир»! – заорал Эдик. – Сожри нас! Сожри!!!

И захохотал, жутко довольный выдумкой.

Плечи Димки опустились, он весь как-то сгорбился, ссутулился – кисти рук со скрюченными пальцами теперь почти касались колен. Левая половина губы приподнялась, и Борису показалось, что появившийся клык длиннее обычного. Совсем чуть-чуть, но длиннее.

А Димка медленно, все с тем же пустым взглядом, двинулся на Эдика; пластика его движений напоминала сейчас теле-«Вампира» гораздо больше, чем полчаса назад, когда он был в маске. Эдик ухмыльнулся и приготовил свой «осиновый кол» – в смысле, палку-поноску...

Борису это совсем не понравилось, он почувствовал легкую тревогу... непонятно за кого... за Эдика? за Димку?

– Хватит! – Борис несколько даже неожиданно для себя самого шагнул вперед и преградил дорогу Димке.

Тот оттолкнул его в сторону. Оттолкнул? Черта с два, отшвырнул, как тряпичную куклу, – Борис, на два года старше и на пятнадцать килограммов тяжелее Димки, с хрустом врезался в сервант, отлетев на три с лишним метра.

Звон разбитого стекла; сверху сыплется, чувствительно бьют по плечам и голове всякие безделушки; и боль, резкая боль в боку и плече.

«Убью урода!» – с этой мыслью Борис попытался резко вскочить на ноги и немедленно приступить к расправе.

Но застонал, едва удержавшись от крика, – что-то острое там, внутри, реагировало на каждое движение, пронзало грудь беспощадной болью, тут же отдающейся во всем теле...

По ушам бьет истошный визг Таньки. Борис поднимается – медленно, прижимая ладонь к ребрам. Бойтся даже глубоко вздохнуть и, только поднявшись, смотрит на Димку и Эдика.

Эдик лежит на спине. Не шевелится. Лица его не видно, лицо закрывает затылок Димки, стоящего над ним на четвереньках. Голова Димки быстро мотается из стороны в сторону.

«Чарли, – мелькает неуместная мысль, – так Чарли, еще щенком, трепал шнурки на ботинках гостей...»

Борис шагает к ним, кривясь от боли и сильно наклонясь направо. И застывает... Нет! Не может быть! Показалось...

Не показалось.

Борис видит это, видит в неестественно ярких красках, как на экране разрегулированного телевизора, – из-под Димкиной головы, снизу, там, где Эдик, – далеко в сторону ударяет тугая ярко-алая струя, расплескавшись лужицей по паркету.

«Как же... надо скорей... это ведь... спятил... «Скорую»... родители... скорей... заткнись, дура... зачем... спятил, точно спятил...»

Мысли Бориса мечутся стремительно, как рикошетирующие от стен пули – осколки, обрывки, обломки мыслей. Но сам он застывает, парализованный нереальностью происходящего. Струя слабеет быстро, но кровавая лужа под головой Эдика растет...

Танька замолкает мгновенно и неожиданно, словно кто-то дернул рубильник воющей сирены, за спиной стук ее каблучков. Борис не оглядывается – когда она смолкла, стали слышны другие звуки – причмокивание на фоне утробно-низкого урчания...

Борис хорошо помнит их – именно с таким звукорядом пожирал своих жертв «Мальчик-Вампир» в темноте подвала, чердака или кладбища – цензура не пропускала слишком натуральных кровавых сцен в подростковые сериалы.

Борис кричит – бессвязно, высоким голосом:

– Димка-а! Мудак!! Ты... – он осекается, потому что...

Потому что Димка резко мотает головой, и кусок чего-то красного отлетает в сторону. С сырым шлепком прилипает к полу.

Взрывной позыв рвоты – в доли секунды она проходит путь от желудка к пытающимся что-то крикнуть губам. Борис корчится, пытаясь согнуться, но зазубренные ножи боли рвут грудь, и он стоит почти прямо, когда рот наполняется горячей едкой жижей, и она, лопнув на губах зловонным пузырем, льется на рубашку и на пол...

«Мальчик-Вампир» поднимается.

Залитое кровью лицо поворачивается к Борису.

Глаза пусты – ни следа ярости, гнева, ненависти или бешенства.

И это еще страшнее.

Окровавленный рот улыбается. Улыбка похожа на оскал. Рот полуоткрыт и внутри – на зубах, на языке, на деснах – тоже кровь. Борис хрипит, выплевывая остатки рвоты, разворачивается и бежит... нет, ковыляет... Сломанные ребра вновь включают свою мясорубку. Он спешит, сам не понимая куда, лишь бы не видеть эту кровавую маску и то, что лежит на полу...

Прихожая. Танька у дверей.

Она, как ни странно, не впала в безумную панику, застилающую все вокруг и не позволяющую бежать или сопротивляться. Она торопливо, ломая ногти, но вполне осмысленно возится с замками, запирающими входную дверь. Слышит за спиной шаги, вскрикивает коротко и отчаянно. Оборачивается, видит брата и, не теряя времени, вновь хватается за замки.

К Борису при виде сестры возвращается хоть какая-то способность говорить и думать – Танька реальная, настоящая, привычная. Не похожая на двух оставшихся за спиной персонажей фильма ужасов.

– Эдик... там... Димка его... – он пытается выкрикнуть это, но голос звучит слабо, затравленно; Борис не может набрать полную грудь воздуха и выплевывает короткие полужазы.

Танька, не слушая его, распахивает дверь – за ней другая, железная...

Слышны шаги в коротком, ведущем в гостиную, коридорчике – медленные, шаркающие, но уверенные шаги «Мальчика-Вампира». Он никогда не соревновался с преследуемыми в спринте – страх, вяжущий по ногам и рукам страх позволял ему всегда добираться в конце концов до горла визжащих от ужаса жертв...

«Ну, открывай же... – мысленно торопит Борис сестру. – Эдик не запирает, просто захлопнул... быстрее... быстрее же, дура...»

Замок с каким-то секретом, или же просто Танька не знает, где нажимать и что в какую сторону крутить; она бы разобралась, она бы обязательно разобралась, будь у нее хоть чуть времени, но времени нет.

– В комнату! Запремся, позвоним... – она хватается за Бориса за рукав.

Он оцепенело смотрит на дверь, на несколько миллиметров стали, отделяющих их от свободы, но Танька буквально тащит за собой. Он бежит медленно, еще сильнее кривясь на бок и шипя от боли.

Спальня родителей Эдика. Заперта! Дальше...

Они заскакивают в его комнату – последнюю по коридору. Дверь довольно прочная, из мореного ореха, и (спасибо Эдику, отстоявшему у родителей святое право на личную жизнь) на ней тоже замочек – немудреный, запирающийся изнутри одним движением латунной шишечки – она поблескивает в сочащемся с улицы свете, искать на ощупь не приходится.

Танька запирается, едва ввалившись в комнату – вовремя – за дверью шага.

Радоваться рано, преграда хилая – верх двери застеклен. Стекло не сплошное – маленькие, разноцветные, толстые и мутные кусочки в прихотливо извивающемся деревянном переплете – прежнему Димке не преодолеть бы эту преграду, но... припереть чем-нибудь? – Танька не додумывает эту мысль...

– Свет, дура, свет!!! – задушенно, но достаточно громко хрипит брат, и Танька шарит у дверей в поисках выключателя.

«Телефон, бля, где у него телефон...» – Борис знает, что аппарата в комнате нет, но труба, Эдики айфон – его не разрешали таскать в школу и большую часть времени он болтался здесь...

Специальный держатель на стене, справа от учебного стола, пуст. «Раздолбай херов...» – Борис лихорадочно сбрасывает со стола кучу наваленной там всякой всячины – бумаги разлетаются по комнате, дорогие игрушки падают и хрустят под ногами – и нет среди них только одной, самой нужной сейчас...

У Таньки, включившей свет, это действие словно отняло последний остаток воли – она стоит у двери, не в силах отойти и помочь Борису в поисках...

Дверная ручка яростно дергается вверх-вниз. Танька сбрасывает оцепенение.

– Димка! Ты меня слышишь?! Очнись, Димка, игра кончилась... Ты слышишь меня?!
Проснись, ты же Димка, ты не «Мальчик-Вампи-и-и-ир»!!!!

Ее голос, сначала трогательно-умоляющий, срывается на бешеный крик... И тут Боря смеется – жутким, квакающим смехом, переходящим в стон боли:

– Хе-хе-хе-у-уй-а-а, бес... бесполезно... он слышит только Эдика... а Эдик... хе-хе-ох-х...

Он перебирается от стола к стеллажу и бесцеремонно скидывает с него все на пол. Едва успевает поймать падающий кожаный футлярчик с айфоном – взрыв боли от резкого движения не может заглушить радость: сейчас, сейчас, он наберет две знакомые цифры и все встанет на свои места. Все вернется, психа заберут куда следует, через пару недель Эдик выйдет из больницы и с гордостью станет показывать украшающие мужчину шрамы, когда они со смехом начнут вспоминать происшедшее...

Айфон у Эдика навороченный: хочешь – фотографируй, желаешь снять видеоролик – нет проблем, Интернет – легко и просто, гуляешь в незнакомом месте – не заблудишься, система навигации всегда укажет правильный путь...

Но самое-то главное: как же по этой хрени звонить?!

«Сука-а-а!!!! В вампиров ему играть... не мог нормальной мобилой обойтись...» – Борис безнадежно давит кнопки незнакомой модели, но на экранчике мигает лишь стандартная заставка «Яндекса»... Господи, ну всего-то набрать две цифры, всего прокричать десять слов...

Маленькое витражное стекло влетает внутрь комнаты. Рука с загнутыми крючками-пальцами ползет вниз, к замку...

Танька визжит. Отскакивает от дверей. Борис с размаху швыряет проклятый айфон в окно – ни трещинки. Небьющиеся стеклопакеты, пропади они пропадом...

«Надо напасть, надо напасть сейчас, – мелькает у Бориса мысль при виде руки, с трудом проползающей, втискивающейся в узкое отверстие, – пока он застрял, неужели мы вдвоем...»

Он сам не верит себе и знает, что даже вдвоем они ничего не сделают.

– Кладовка, – выдыхает Танька в ухо жарким шепотом, – он не найдет, он же ничего не соображает...

Кладовка – не то сильно разросшийся встроенный шкаф, не то чулан-недомерок – набита всяким барахлом. Здесь тесновато, рядом могут стоять двое, самое большее трое. На дверях, цельных и массивных дверях, ровесниках квартиры, – ни замка, ни задвижки...

...Танька жмет к нему в темноте, не обращает внимания на липкую, заблеванную рубашку; он отталкивает ее, шарит руками по стоящему на полу и на полках хламу...

«Подпереть... подпереть дверь... родители совсем скоро приедут... не сожрет же он их четверых разом...»

Под руки попадают лыжные палки, Борис лихорадочно пихает их в массивную дверную ручку, а в комнате щелкает замок и снова топают шаги – удивительно тяжелые для худенького двенадцатилетнего мальчика.

Может, он и не соображал ничего, этот «Мальчик-Вампир», но инстинкт привел его безошибочно, напрямиком к убежищу...

Дверь содрогается, с потолка сыпется мелкая штукатурка.

«Дергай, дергай... только ручку оторвешь... – успокаивает себя Борис. – Попробуй-ка прогрызть эту дверку... лишь бы выдержали палки... лишь бы выдержали...»

– Кол! – выкрикивает Танька, уже не таясь. – Нужен кол, он его не убьет, но хоть остановит...

Остановит... до следующей серии... Борис снова шарит по кладовке, ничего подходящего нет (а дверь ходит ходуном от постоянных рывков) – пытается отломать доску от полки, но приколочено все на совесть. Ему кажется, что в кладовке стало светлей, он видит теперь то, что лихорадочно ошупывают пальцы. Он оборачивается – старые алюминиевые лыжные палки заметно изогнуты, дверь чуть приоткрылась, свет льется в щель шириной в два пальца... С каждым рывком щель растет...

Борис видит и хватает с пола маленькую, в три ступеньки, деревянную лесенку (доставать вещи с верхних полок? – не важно!) и с размаху бьет ею о стену. Потом еще, еще, еще... На боль в сломанных ребрах не обращает внимания. Радостно всхлипывает, когда в руках остается обломок лестницы с острым расщепленным концом.

Щель уже достаточно широка, можно просунуть хоть руку, хоть голову – но «Мальчик-Вампир» не спешит.

Борис сжимает кол, готовясь воткнуть его в тварь – не в Димку, слабака и неудачника, – в поганую кровожадную тварь. В «Мальчика-Вампира». За секунду до того, как выпадают палки, согнутые в ломаную дугу, Борису представляется удивительно яркая картина: он стоит над проткнутым тщедушным тельцем и пытается объяснить приехавшей милиции, кого ему пришлось убить...

«Мальчик-Вампир» низко, очень низко пригибается и ныряет в полутьму кладовки. Борис промахивается и кричит, тут же захлебнувшись слабеющим хрипом. Танька вопит громко и долго, минуты две... – потом смолкает и она.

...Скрюченные окровавленные пальцы на удивление ловко справились с замком, не подавшимся Таньке; «Мальчик-Вампир» бесшумно выскользнул на лестничную площадку. Он был очень несчастен – ничего не знающий и не помнящий о себе, не знающий вообще ничего, кроме терзающего голода, причиняющего постоянную невыносимую боль – боль, которую могла на короткое время приглушить только горячая человеческая кровь...

Внизу, у входной двери подъезда, раздались голоса, два мужских и два женских, – беззаботные, весело перекликающиеся... Левый угол рта «Мальчика» приподнялся в очень неприятной усмешке, обнажая длинный, желтый, слегка изогнутый клык.

Тот, кто сидит в пруду

1

На участке был пруд – надо думать, в войну угодила в будущий огород здоровенная бомба – линия фронта проходила совсем рядом. А дед Яша засыпать не стал, благо земли хватало. И получился небольшой, метров шесть в диаметре, живописный водоем идеально круглой формы.

На зеленом берегу пруда и сидел сейчас Леша Виноградов – к воде его тянуло с раннего детства. Еще карапузом нежного детсадовского возраста в начале каждого лета клячил он у матери сачок для ловли бабочек: палку и проволочный обруч с пришитым конусом из яркой марли. Стоило это удовольствие тогда не то тридцать, не то сорок копеек – мать покупала, втайне радуясь, что чадо не требует чего-нибудь подороже.

Но бабочки, стрекозы и другие насекомые могли спокойно порхать, опылять цветочки и заниматься прочими своими делами – маленького Алешку представители отряда чешуйчатокрылых не привлекали. Вооружившись сачком и стеклянной банкой, он шел к ближайшему ручейку, пруду, болотцу или просто к большой луже (к глубоким водоемам мать, понятное дело, не подпускала) и долгие часы охотился на загадочных подводных обитателей.

Гребенчатые тритоны казались ему древними и обмельчавшими потомками динозавров – не вымерших, а просто скрывшихся в таинственно-прозрачных глубинах; шустрые водомерки восхищали своей удивительной способностью бегать, не проваливаясь, по водной поверхности; а уж если в сачке запутывалась оплошавшая крохотная рыбешка – это был невиданный праздник, он тут же бежал к матери с идеей немедленной покупки аквариума.

Теперь увлечения раннего детства вызвали улыбку, но полноценным он считал отдых лишь у воды: рыбалка и байдарочные походы. Но вот Ирина...

Несмотря на скромные размеры водоема, рыбешка в нем водилась – вдоль края темно-зеленых водорослей, под самой поверхностью прогретой солнцем воды, почти неподвижно стояли стайки мальков.

«Караси, – лениво подумал Лешка, – наверняка карликовая форма, большие в таких ямах никогда не вырастают – тесно, пищи мало... А пересади их в просторное озеро – о-го-го, больше килограмма вымахают... Ну и ладно, зато теперь не будет проблем с живцами на рыбалку...» Подумал и удивился: пока он тут взвешивал все «за» и «против», подсознание его, похоже, решило единолично – наследство не продавать.

Он и сам склонялся к такой мысли, но жена... но теща... о-о-ох, нелегко будет отстоять свое решение... Если вообще удастся отстоять.

День клонился к вечеру. Надо вставать и уезжать обратно в город, но Леша продолжал полулежать на берегу пруда, благодушно поглядывая, как медленно ползут по небу два одиноких в безбрежной синеве облачка – домой совсем не хотелось.

Синебрюхая стрекоза-коромысло, обманутая его неподвижностью, простодушно уселась прямо на кончик Лешкиного носа, крепко вцепившись крохотными шершавыми лапками. Он дернулся от неожиданности, спугнул негаданную постоялицу и проводил глазами ее полет – далеко стрекоза не улетела, села над самой водой, шагах в трех от него, на длинную травинку, свисающую с берега, и застыла, широко расставив прозрачные крылья...

Глаза еще машинально следили за стрекозой, и Леша видел произошедшее с ней с самого начала, но толком ничего не рассмотрел, слишком быстро все началось и закончилось: что-то длинное, чуть длинней указательного пальца, но тонкое, очень тонкое, метнулось из воды

вверх – плохо различимое, смазанное быстротой движения. И стрекоза исчезла. Не улетела – мгновенно, почти без всплеска исчезла под зеркальной поверхностью пруда.

«Лягушка...» – слегка удивился Леша, приподнимаясь в безуспешной попытке разглядеть под водой удачливую охотницу. Редкий, однако, случай – увидеть такое, а подробностей вообще без рапидной съемки не разберешь – язык у пучеглазой выстреливает и втягивается обратно за долю секунды...

О том, что еще в мае, отметав икру, все лягушки выбрались на сушу, где и охотятся, Леша как-то тогда не подумал...

2

Да и сам участок хорош, что говорить. По документам значилось восемнадцать соток, на деле оказалось гораздо больше – участок крайний в поселке, с трех сторон поля – и дедуля, выставляя заборы, не особо церемонился. На наследственную территорию, таким образом, на самых задах участка угодил даже небольшой лесок. Ну, не совсем лесок, скорее рощица – десяток старых толстых берез по самой границе и между ними и домом поросль молодых тонких осинок. Гряды, плодовые кустарники и деревья разделяли широкие газоны некошеной травы, кое-где сливавшиеся в обширные лужайки. Для Леша, привыкшего к дикой скученности шести соток в их с матерью садоводстве, зажатых между уделами таких же малоземельных огородников, где не найти даже пятка травы, способного вместить разложенный шезлонг, – для Леша такое приволье казалось чем-то небывалым и расточительным.

Просторный участок стал, пожалуй, главным доводом, удержавшим от немедленной продажи неожиданно привалившего наследства. Эх, хорошо бы тут, на травке, да шашлычки, да с семьей... Была бы только семья...

Дом, правда, подкачал – похоже, покойный дедушка Яша воздвиг сие строение в тяжелые послевоенные годы действительно в одиночку, собственными руками. Вот только, к сожалению, это не были руки профессионального плотника либо строителя – дом получился надежным и, как оказалось, долговечным – но каким-то больно уж корявым...

Умершего полгода назад и оставившего наследство деда Леша Виноградов никогда в жизни не видел. Он и с отцом-то встречался в сознательном возрасте раз пять-шесть, не больше, и последняя встреча состоялась семнадцать лет назад – а ежемесячные переводы, как выяснилось, присылал со своей ветеранской пенсии опять же дед, испытывавший чувство неловкости за своего непутевого сына. Хороший был, судя по всему, мужик дедушка Яша...

Леша наконец поднялся с травы и массировал затекшую левую руку (и сам не заметил, как успел отлежать), когда, радостно виляя хвостом и подпрыгивая словно резиновый мячик, к нему подбежал лохматый песик неизвестной породы. Дедуля, похоже, его в свое время подкармливал, и теперь кобелек продолжал по старой памяти визиты на их участок. Леша познакомился с ним в позапрошлый приезд, легко подружился и, не мудрствуя лукаво, окрестил Бобиком.

Бобик привык к его посещениям и сейчас весело припустил к машине впереди Леша, рассчитывая на очередное угощение.

– А что, Бобик-бобырик, – сказал ему Леша, достав из салона потрепанной «четверки» припасенный кусок колбасы. – Вот поселимся мы с Иркочкой здесь, на лоне природы, – пойдешь к нам в сторожа? Служебную жилплощадь предоставим – будку сладим со всеми удобствами, паек выделим, раз в неделю выходной, зимой – оплачиваемый отпуск... Не возражаешь?

Песик торопливо доел угощение и никаких возражений не высказывал. Леша даже огляделся вокруг, прикидывая, куда лучше поставить конуру, он почему-то представил ее очень зримо – небольшую, уютную, сколоченную из свежеструганных сосновых досок... Потом

так же зримо представил, как отреагирует на его идею Ирина – вздохнул уныло, сел в машину и завел двигатель...

3

– Алексей, вы ездили вчера в агентство? – Елизавета Васильевна всегда проводила в жизнь пришедшие ей в голову идеи с неторопливой целеустремленностью асфальтового катка, управляемого глухонемым водителем, – спорить, возражать и пытаться изменить направление движения было абсолютно бесполезно. Хотя, возможно, это еще не самый худший из возможных вариантов тещи – по крайней мере, с зятем общалась с холодной корректностью, звала всегда Алексеем и исключительно на «вы»...

– Ездил... – безрадостно подтвердил Леша. И добавил, не дожидаясь следующих вопросов:

– Ничего хорошего... агент назвал примерную цену... очень мало... на однокомнатную никак не хватает... В лучшем случае на комнату в малонаселенной коммуналке...

Сейчас самое время сказать, что гораздо лучше молодой семье жить в своем доме, чем ютиться в коммуналке, пусть и малонаселенной. Что эти двадцать пять километров от города при наличии машины – сущая ерунда, даже работу им менять не придется – люди из какой-нибудь Сосновой Поляны, городского якобы района, вдвое дальше до центра едут. Что дом не так уж сложно расширить и перестроить, что в нем стоит телефон, а в ближайшие два года обещают дотянуть ветку с горячей и холодной водой...

Он не сказал ничего.

Сидел, понуро ковыряясь в тарелке с завтраком – жутко полезные для здоровья залитые молоком овсяные хлопья Леша тихо ненавидел. Он начнет этот разговор, но не теперь, попозже, надо постараться и как-то перетянуть на свою сторону Ирку, и тогда...

А несокрушимый каток надвигался:

– Ничего, мы с ее отцом (кивок в сторону дочери) тоже не с отдельных хором начинали... Тут ведь главное – самостоятельная жизнь, я и сама понимаю, что вам, молодым, жить со старухой совсем не сахар.

И теща картинно сгорбилась, изображая, какая она старая и немощная. Кокетничала, конечно – для своих сорока пяти сохранилась на удивление. А последний ее пассаж надлежало понимать так: уматывайте-ка, дорогой Алексей, с моей законной жилплощади, и дочь непутевую забирайте, коли уж приспичило ей выскочить за недоумка, не способного к двадцати семи годам заработать на квартиру – и это в наше время, когда деньги вокруг текут ручьями и потоками. Пускай поживет в коммуналочке, может, образумится, поймет, что жизнь еще не кончена и можно начать все с начала. Уматывайте и не мешайте строить личную жизнь в отсуженном у бывшего мужа двухкомнатном кооперативе.

Благоверная, понятное дело, тоже не смогла остаться в стороне от разговора:

– Я узнавала – в бюллетене недвижимости объявление с цветным снимком четыре на четыре стоит всего сотню. Но говорят, что лучше пригласить их фотографа, чтоб выбрал самый выгодный ракурс, они на этом деле собаку съели...

Леша тоскливо думал: как, какими словами предложить Ирине поселиться в пригороде – дитя асфальта, к свежему воздуху и красотам природы она равнодушна, а к рыболовно-туристским увлечениям мужа относится в высшей степени подозрительно, свято уверенная, что единственная их цель – попить вдали от жены водки и завалиться в палатку с разомлевшей от песен под гитару девицей... В лодочные походы все три года брака Леша не ходил, а от трофеев редких рыбалок Ирина воротила нос подчеркнуто брезгливо, презрительно именуя рыбу всех видов «селедкой». Самое удивительное – жену Леша любил и верил, что стоит им отделаться

от опостылевшей опеки тещи – и все наладится само собой, Ирина поймет, как много потеряла за эти годы, посвященные тому, что она называла без тени иронии «светской жизнью»...

– Алексей, – заявила теща в конце завтрака. – Я в пятницу уезжаю на неделю в Грузино – подготовьте, пожалуйста, машину...

Это звучало отнюдь не как просьба – как приказ, простой и ясный.

– Хорошо, Елизавета Васильевна.

– Ириша меня проводит и останется на уик-энд. Оставайтесь и вы, если хотите.

– К сожалению, не могу, Елизавета Васильевна, – я... я обещал съездить к матери в Тихвин... на эти выходные... – не моргнув глазом соврал Леша, вдохновленный перспективой остаться, наконец, в одиночестве. Но потом с грустью подумал, что до пятницы придется посвятить женщин в свои планы – иначе оправдать недельное бездействие в деле продажи недвижимости будет просто нечем.

4

Воспользовавшись неожиданной свободой, в субботу он опять отправился в Спасовку, надо было поправить кое-что в старом доме – неважно, для продажи или для собственного житья.

Заменял прогнившую и разваливающуюся ступеньку крыльца – получилось, кстати, кривовато, отнюдь не лучше, чем у бабушки; с четвертой или пятой попытки вставил стекло взамен потемневшей от непогоды фанерки – у деда перед смертью руки до всего этого явно не доходили; тоскливо прикинул, какие материалы нужны для ремонта ветхого, разваливающегося сарая – в общем, до обеда время пролетело незаметно.

В доме обедать Алексей не захотел – вытащил на улицу легкий столик и табуретку, установил в самом живописном месте, под яблоней у пруда.

Привезенные с собой котлеты оказались на диво вкусными, уж что-что, а отлично готовить Елизавета Васильевна дочку научила. Под такую закуску и после такой ударной работы не грех и принять сто грамм. Леша крутанул винтовую пробку с четвертинки «Столичной», выпил, закусил ароматной поджаристой котлеткой, мысленно похвалил жену и тут же погрузился, вспомнив вчерашний разговор перед своим отъездом из Грузино...

...Разговор получился тяжелым. Ирина немедленно встала на дыбы, не желая слушать никаких доводов – поддержала Лешу, как ни странно, теща – впрочем, достаточно вяло. Надо понимать, Елизавете Васильевне по большому счету было все равно, куда выпихнуть дочку с зятем, а процесс продажи дома и покупки другого жилья мог затянуться. Но и при поддержке тещи добиться удалось немногого: договорились через неделю приехать втроем в Спасовку, осмотреть как следует дом с участком и принять окончательное решение – Леша предчувствовал, что это будет за решение.

Он обвел взглядом сад, старые березы, начинающие зеленеть ряской берега пруда – похоже, не судьба пожить в этом приглянувшемся месте... Стал наливать вторую стопку, и тут произошло то, что напрочь вымело из головы все мысли о грядущей семейной баталии.

Все повторилось один к одному. Только на месте стрекозы теперь оказалась птица – крохотная трясогузка, разгуливавшая по краю обрамлявшей берег ряски. Мгновенное, почти неразличимое движение, всплеск и растопырившая крылья птичка исчезла под водой, не успев ничего сделать, не издав ни звука...

Алексей ошалело глядел на то место, где только что суетилась серая длиннохвостая попрыгунья, и не замечал, что водка льется мимо пластиковой стопки; снял очки, стал протирать и сразу нацепил обратно – почти на то же место села другая трясогузка, точная копия первой. Или та самая? Он ведь не следил за ней специально, скользил по берегу рассеянным взглядом...

Затаив дыхание, Леша смотрел, как птичка шустро пробежала по чуть прогибающемуся под ней ковру ряски, клюнула пару раз каких-то личинок-козявочек и... И улетела. Вполне можно списать исчезновение первой на банальный обман зрения, если бы... если бы не характерное возмущение поверхности, небольшой такой бурунчик точно в момент взлета второй птицы – словно что-то собралось метнуться за ней, не успело и в последний миг остановило стремительное движение...

...Он отходил от пруда медленно, задом, не отрывая глаз от поверхности и не замечая, что в правом кулаке судорожно, как оружие, стиснута вилка. Опрокинутая четвертушка и две бумажные одноразовые тарелки так и остались на столе.

Лишь подъезжая к дому (перспектива встречи с автоинспектором и анализатором алкоголя показалась приемлемей ночевки в деревне), он понял все и облегченно рассмеялся своему опасливому недоумению, да что там – просто страху. Уж! Самый обычный водяной уж! Попал случайно и оголодал, наверное, бедняга, в таком крошечном водоеме... Надо выловить и отпустить в ближайшую речку, а то ведь изведет последних карасиков. А хищные лягушки-мутанты пусть остаются там, где им и положено быть – в малобюджетных фильмах ужасов. Вот так.

5

Казалось, детство вернулось – он опять стоял на берегу и орудовал сачком. Правда, теперь снасть солиднее: четырехметровая жердь, согнутый из толстой арматурины обруч и капроновая сеть, скроенная на скорую руку из найденных в сарае не то картофельных, не то капустных сеток.

Бобик, только что потребивший очередную сардельку, тоже принимал самое активное участие в охоте на обитателя пруда – вертелся под ногами и приветствовал звонким тьявканьем извлекаемую из воды сетку, а потом обнюхивал вытряхнутые на берег кучи водорослей с копошившейся в них всякой водяной мелочью. Трепыхающихся карасиков Леша отпускал обратно, а на жуков-плавунцов, неуклюжих личинок стрекоз и скользких тритонов не обращал внимания – сами до воды доползут, не маленькие.

Вода замутилась и стала совершенно непрозрачной, прибрежные водоросли изрядно поредели, но главный объект охоты оставался для огромного сачка недоступным. Леша подозревал, что причина тому в подводном рельефе – берега воронки круто уходили вниз, и на середине достать до дна никак не получалось. Через полчаса он прекратил бесполезные попытки.

– Ну что, Бобик-бобырик, – сказал Леша, откладывая сачок. – Черт с ним, пусть живет. Будет своя достопримечательность. Как в озере Лох-Несс. Ладно, хоть пруд почистили, а то совсем зарос бы за лето...

Он говорил и сгребал пахнущие илом водоросли в кучу – высохнут и можно сжечь, зола – отличное удобрение... Истошный лай, совсем не похожий на недавнее добродушное тьявканье, заставил резко обернуться. У них был гость.

Это оказался не уж, по крайней мере таких ужей Леша никогда не видел. Такого он никогда и нигде не видел – из воды вертикально поднималось нечто. У основания оно казалось толщиной с руку и равномерно сужалось к тоненькому кончику, поднявшемуся высоко над водой, по крайней мере, на полметра выше головы Леша. Больше всего это было похоже... черт, да ни на что это похоже не было – совершенно гладкий отросток глянцево-серого цвета, не то с розоватым, не то с сиреневым отливом.

Мизансцена длилась секунд двадцать – Леша молчал, онемевший и парализованный – не страхом, страха он не чувствовал, к месту приковывала дикая нереальность происходящего; нечто возвышалось тоже молча и неподвижно, а Бобик захлебывался паническим, срывающимся на визг лаем. Надо что-то сделать, надо что-то немедленно сделать, но...

Нечто упало, со свистом резанув воздух. Так падает меч в смертельном ударе – стремительный, беспощадный и невидимый глазу. Упало на берег и исчезло, мгновенно втянувшись под воду. Вместе с ним исчез Бобик, не успевший даже взвизгнуть... Вода взметнулась в шумном всплеске, несколько крупных капель упали на лицо Леша – он развернулся и бегом бросился к дому. И заорал...

6

– Я сошел с ума, – констатировал Леша совершенно очевидный ему факт. И прозвучало это почти даже радостно.

Он сидел дома (то есть в квартире Елизаветы Васильевны), за столом, украшенным довольно затейливым натюрмортом: литровая бутылка водки, на треть уже пустая, литровый же пакет томатного сока, два стакана, куча книг и журналов – от толстенных томов Брема до запыленных, вытасенных из дальних недр кладовки номеров «Юного натуралиста».

Брем был открыт на странице, изображающей щупальце гигантского кальмара – толстое, со множеством присосок, снабженных мелкими крючками. Пролитые на рисунок красные капли сока придавали щупальцу зловеще-натуральный вид, но с сегодняшним видением оно не имело ничего общего.

Леша опрокинул еще стаканчик, запил и со вкусом повторил:

– Я болен, я сошел с ума. Сбрэндил, свихнулся, тронулся крышей.

Мысль успокаивала.

Если ты болен – значит, можешь вылечиться. Вылечиться и без всякого страха подходить к колодцам, или к наполненным мыльной водой ванным, или даже к прудам-воронкам – подходить, не опасаясь, что оттуда высунется не то червяк-переросток, не то чье-то щупальце, обовьет тебя и утащит к себе на глубину...

Он выпил еще, благостно улыбнулся и никак не отреагировал на звук отпираемого замка входной двери.

– Ты сошел с ума, Виноградов! – Ирина, оставив сумку в прихожей, стояла на пороге кухни. В минуты раздражения она всегда называла мужа исключительно по фамилии.

– Ага, я сошел с ума, – покладисто согласился Леша, не делая никаких попыток оспорить самоочевидный факт.

– Вот и отлучись на два дня... Пить водку в такую жару, и без закуски, и в полном одиночестве... Да ты алкоголик, Виноградов! Тебе лечиться надо!

– Ага, мне надо лечиться, – опять не стал спорить Леша, сам только что пришедший к аналогичному выводу.

Добротный семейный скандал никак не желал разгораться. Ирина достаточно хорошо знала мужа, чтобы ясно представить, что произойдет дальше: будет так вот сидеть, глупо улыбаться и соглашаться со всеми обвинениями и попреками. А то еще и уснет на середине фразы – замолчит на полуслове, прислонится к стенке и самым преспокойным образом захрапит.

– Мы с тобой завтра поговорим, Виноградов! – зловеще пообещала она и вышла, хлопнув дверью кухни – тещина посуда в тещином буфете противно задребезжала.

– Поговорим, – сказал в пустоту Леша и опять потянулся к бутылке.

Нет ничего и никогда не было – ни пруда, ни его хищного обитателя – эта заполненная водой и тиной яма ему привиделась, а на участке там ровное и гладкое место... И исчезнувший в глубине Бобик тоже никогда не существовал в действительности – просто разговаривал сам с собой, а воображение нарисовало помахивающего хвостом маленького слушателя...

Вполне может быть, что все вокруг тоже плод больной психики: и это наследство, и эта опостылевшая квартира, и Ирка, якобы сидящая сейчас в дальней комнате. А на самом деле он лежит сейчас...

Где он сейчас лежит, Леша Виноградов придумать не успел – уснул, опустив голову на «Жизнь животных» Брема...

7

– Вы, Алексей Николаевич, не совсем ясно представляете суть психотерапии. Я никак не могу дать вам таблетку, которая в одночасье снимет все ваши проблемы. Я не психиатр, я – психоаналитик. Это они – психохирурги, даже психомясники – колют пациентам убойные снадобья, терзают электрошоком и упаковывают в смирительные рубашки. Психоанализ – это долгая и кропотливая работа с человеком, у которого в мозгу никаких патологий нет и который может и должен сам решить свои проблемы – с моей профессиональной помощью. Корни этих проблем часто лежат очень глубоко – в далеком прошлом, в почти забытых отношениях с родителями, и самостоятельно разобраться...

«Зачем я сюда пришел?» – подумал Леша, чувствуя, что перестает понимать смысл мягких, обволакивающих слов доктора Саульского, толстого и важного, как метрдотель «Астории» – настолько красиво-закругленные (наизусть, что ли, учит, по бумажке?) фразы мало соответствовали тому, что Леша считал своими проблемами. Зачем сюда пришел? – а куда еще идти? Несмотря на вчерашний пьяный кураж, приземляться где-нибудь на Пряжке с диагнозом «белая горячка» совсем не улыбалось. Корни проблемы действительно лежали глубоко, по крайней мере, четырехметровая жердь сачка до них не достала, вот только профессиональная помощь мозгоправа в этом вопросе вызывала серьезные сомнения...

Леша собрался с силами и снова попытался вникнуть в рассуждения разливающегося соловьем труженика психоаналитической кушетки.

– Символизм ваших видений для опытного взгляда специалиста вполне очевиден – воронка, отверстие, из которой исходит смертельная опасность, – достаточно конкретный символ женщины. Возможно, таким образом подсознание реагирует на вашу жену или тещу. А может быть, в ваших отношениях с матерью было что-то, уже прочно позабытое, что порождает именно такой образ. Необходима долгая и тщательная работа – с моей помощью вы сами осушите до дна свой пруд и сами уничтожите всех притаившихся на его дне чудовищ...

– Осушить пруд? Это интересная мысль! Осушить... Спасибо, доктор, вы мне очень помогли... – и Леша стал прощаться, невзирая на все возражения получавшего почасовую оплату эскулапа, настроившегося уже на долгую и вдумчивую беседу.

8

Фотограф оказался совсем молодой, лет на пять-шесть моложе Лешы, и его попытки казаться деловым и профессиональным выглядели несколько по-детски наигранными. Фотографа пригласила через агентство Ирина. Эти два дня отношения у них с Лешей оставались натянутыми – называла по фамилии и ночевала в другой комнате, а про договоренность еще раз осмотреть дом с участком и не вспоминала. Леша тоже не стал возвращаться к этой теме, последнее время его нежелание продавать наследство сильно поколебалось.

– Та-ак, лучший ракурс, по-моему, будет вот оттуда, от водоема... Кстати, не забудьте упомянуть про него в объявлении, – с этими словами молодой человек решительными шагами направился в сторону пруда, на ходу что-то подкручивая в оснащенной мощным объективом фотокамере.

Понятно.

Пруд, по меньшей мере, еще кто-то видит. Но как быть с тем, кто сидит в пруду?

Леша не пошел с фотографом. Благоразумно остался метрах в десяти-двенадцати от берега. Внимательно наблюдал, прикрывая ладонью глаза от солнца, что будет дальше.

Дальше ничего экстраординарного не произошло. Юноша спокойно расхаживал по берегу, так и этак прикидывал лучшую точку, сетовал на мешающие ветви яблонь – в общем, всячески демонстрировал, что изобразить недвижимость в наиболее соблазнительном для покупателя виде задача отнюдь не простая, требующая творческого подхода и соответствующего вознаграждения.

Наконец, остановился, приткнулся к аппарату, и тут же Леша увидел, как за спиной у него из воды медленно поднимается знакомый розово-серый отросток – полметра от поверхности, еще выше. Леша попытался крикнуть, но горло издало какие-то сдавленные звуки, отчаянно махнул рукой: оглянись, да оглянись же, дурак! Фотограф не понял и что-то сказал в ответ про мешающее дерево. Отросток поднялся еще выше, чем в прошлый раз, – и способной отвлечь его внимание собачонки на берегу не было.

Он закусил губу, прекрасно понимая, что плод расстроенной психики причинить вред никому постороннему не в состоянии; что надо подойти, взять фотографа за руку, развернуть лицом к пруду – и наваждение исчезнет, развеется... Леша даже сделал шаг вперед, но остановился... не мог, просто не мог...

А фотограф покачал головой и решительно направился от пруда к нему. Отросток качнулся было ему вслед и стал втягиваться обратно.

– П-п-посмотрите! – дар речи наконец вернулся к Леше.

Юноша недоуменно обернулся, повинувшись настойчивому жесту, но за короткое время этого его движения нечто успело окончательно и бесследно исчезнуть.

– Нет, с того берега ничего не получится, дом будет казаться слишком мелким, – ничего не понял фотограф. – А с этого нормально, вот только сарай картину портит. Ничего не поделаешь, придется снимать от дороги.

Леша уныло кивнул. Действительно, ну что тут поделаешь?

9

Рекламное объявление не лгало, цена на агрегат оказалась на самом деле символической. Доставка в Спасовку – и та обошлась дороже. А ремонт и вправду требовался небольшой, прямо скажем, совсем пустяковый ремонт. Леша заменил свечу да прочистил карбюратор – и четырехсильный одноцилиндровик, выпущенный треть века назад, добросовестно затарахтел. Завертелся пропеллер воздушного охлаждения и зачавкал поршень-диафрагма насоса. За издаваемые характерные звуки сие чудо техники именовалось в просторечии «лягушкой». Прозвище придумали строители, осушавшие затопленные котлованы подобными устройствами.

«Скажу, что нашел здесь, в сарае... А то узнает Ирка про такую покупку – мало мне не покажется, – подумал Леша, заглушая двигатель. – И так постоянно пилит, что работу совсем с этим домом забросил...»

Работу он действительно забросил, но отнюдь не по своей вине – июль, жара, полный застой: потенциальные заказчики греют косточки на пляжах и смыывают трудовой бизнесменский пот в теплых морских волнах... Но жене и теще объяснять летнюю конъюнктуру фрилансерского рынка бесполезно – по их мнению, оправдать мужчину, не носящего в дом деньги мешками, не может ничто...

Леша вздохнул и навалился на тронутую ржавчиной станину насоса. Литые катки-колеса, казалось, приросли к осям, но затем с огромным трудом и жутким скрипом провернулись – «лягушка» медленно покатила к пруду.

А потом он увидел деда Серегу, единственного из соседей, с кем был более-менее знаком. Тот пролез сквозь прореху в кустах крыжовника, разделяющих их участки, и направлялся

прямо к Леше, явно заинтригованный видом здоровенного громоздкого насоса – в округе для полива и прочих надобностей использовали чаще всего портативные погружные «Мальши».

Леша остановился и торопливо прикрыл промасленной ветошью лежавший на поддоне «лягушки» топор. Орудие это он отыскал в сенах и наточил до бритвенной остроты после визита фотографа. Галлюцинации галлюцинациями, а с топором приближаться к пруду как-то спокойнее...

– Ты, никак, Леха, яму выкачать задумал? – первым делом спросил дед Серега, протягивая для рукопожатия широченную ладонь. – Правильно, я давно Якову говорил: надо чистить, ил вычерпывать. Ил прудовый-то для грядок полезительней любого навоза... А так зазря на дне лежит, только комарье в нем разводится. Вроде и место у нас сухое, высокое, а комары вечером так в окна и летят... Ну, давай, помогу, что ли...

И он пристроился с другого края насоса – невысокий, мощный, жилистый, с коричнево-загорелой лысиной, похожий в свои почти семьдесят на старый дуб, не поддающийся ни ветрам, ни грозам, ни времени...

Двоем они быстро докатили агрегат до берега. Пока Леша пристыковывал толстый гофрированный шланг и укладывал жестяные желоба, долженствующие отводить в ближайшую канаву выкачанную воду, дед Серега уселся на березовый чурбак в тени яблони и завел неторопливый разговор о том о сем: о безбожных ценах на рынке, о непонятно почему переставшей доиться козе, которую придется резать (не надо ли, кстати, мяса по дешевке?), о тле, опять напавшей на смородину...

Леша слушал вполуха и отвечал коротко, постоянно посматривая на неподвижное зеркало воды и стараясь не поворачиваться к пруду спиной.

Как он в глубине души и подозревал, тот, кто сидит в пруду, ничем не проявил себя. Очень хотелось спросить деда: не видал ли он, случаем, со своего участка чего-нибудь подозрительного? Ну, например, вставшего на дыбы навозного червя ростом с хорошую оглоблю? Но дед Серега выглядел абсолютно приземленным материалистом, способным после такого вопроса только посоветовать плотнее закусывать (не надо ли, кстати, сала по дешевке?). И Леша не спросил ничего.

Потом он дернул шнур стартера, движок заработал, и разговаривать стало трудно – дед еще раз пожал ему руку и неспешно отправился обратно. Леша печально проводил его взглядом, но повода попросить остаться так и не придумал... Теперь никуда не денешься – надо ждать гостя. Скромного такого гостя, не любящего шумного общества. И являющегося, только когда хозяин скучает в одиночестве.

Все шло по плану – двигатель ровно трещал, насос поквакивал, вода бодро журчала по наклонным желобам. Леша стоял в отдалении от воды с топором в правой руке. Поглядывал то на ее поверхность, то на «лягушку», очень его беспокоил приводной ремень, старый, обтрепанный, с торчащими в стороны махрами ниток – порвется, пойдешь поищи подходящую замену.

Заметной убыли в пруду не наблюдалось. Стоило, наверное, воткнуть в дно у берега палку с делениями, но что-то совсем не хотелось подходить слишком близко и наклоняться над водой. Производительность у «лягушки» – около четырех кубов в час, ну, если сделать скидку на износ, то поменьше... Сколько воды может быть в этой яме? Если принять воронку за правильный конус с диаметром основания шесть метров и глубиной... ну, пусть будет тоже шесть... Черт, есть ведь какая-то школьная формула для объема конуса... Вроде половина от объема соответствующего цилиндра... или нет...

Леша (всегда «плававший» в точных науках) не успел сделать даже грубый расчет и прийти к совершенно неожиданному для себя и неприятному выводу о том, что выкачивать яму досуха придется около трех суток – ровный звук работающего насоса сменил тональность.

Он встревоженно посмотрел на агрегат – вроде все двигалось как положено, но вместо полноводного потока по желобу катилась тоненькая иссякающая струйка. Перевел взгляд на

исчезающий в воде шланг – ага, так и есть, сжимается в такт кваканью насоса, чем-то забился, надо вытащить и прочистить...

...Рывок был направлен не по оси шланга, но вбок и вглубь, и семидюймовая, армированная стальной проволокой резиновая труба не соскочила с металлического патрубка насоса – с громким треском порвалась и тут же исчезла в глубине. Но пруд не успокоился обманчивым зеркалом, как бывало раньше, – что-то там продолжало ворочаться, поднимая теперь совсем не рябь и не легкие буруны.

Хотя и большими волнами это не было – нет в крошечном водоеме места для разбега больших волн. Просто бурлящая вода перекачивалась от одного берега к другому, совсем как при полоскании белья в корыте – ударялась о берега, обливая все вокруг, вставала почти вертикально и устремлялась обратно.

На долю секунды промелькнул, оказавшись на поверхности, перекрученный шланг с разодранным, разлохмаченным концом – но тут же скрылся – и (показалось?) другой его конец исчезал в смутно виднеющемся сквозь пузыри и перепутанные струи... в чем? Непонятно, в чем-то большом, движущемся, округлом и меняющем форму. Звуков водяной катавасии не было слышно – все заглушал завывающий вхолостую двигатель.

Леше казалось даже, что подрагивает земля под его подошвами. Но, может быть, просто дрожали ноги, медленно, шагком за шагком, пятящиеся от пруда. Споткнулся о чурбак деда Сереги, с трудом удержался от падения, развернулся, готовый припустить к дому и... Истошный вой движка замолк, резко и неожиданно. Против воли он глянул через плечо: агрегат оставался на месте, что происходило на поверхности (или под нею) – отсюда уже не было видно, по крайней мере, через берега вода не выплескивалась. Но... возможно, ему и показалось, но высокая и густая, никем не кошенная в это лето трава между ним и «лягушкой» шевелилась и сгибалась гораздо сильнее, чем то мог сделать сегодняшней легкий ветерок – и эпицентр шевеления явственно и довольно быстро продвигался в сторону Леша...

Таких результатов в спринте он в жизни не показывал – Леша всегда недолюбливал спорт, – а сейчас несся с олимпийской прытью, не глядя под ноги, напрямик, напролом – под ступней что-то подалось, он сбился с бега и, конечно, не удержался на такой скорости, упал лицом в молодую, всю в белых цветах, крапиву, не чувствуя жгущих листьев.

Цап! – что-то пружинисто и цепко ухватило его за лодыжку. Леша даже не закричал – заверещал пронзительно и тонко, как попавший в капкан заяц, как поросенок, почувствовавший ярменной венной первое касание отточенной стали.

Тут же замолк и рванулся с утроенной, с удесятеренной адреналином силой – ничто и никто, казалось, не выдержит такого рывка: или отпустит, или просто оторвется ступня – не оторвалась и не отпустило. Ногую потянуло обратно. Вокруг щиколотки затянулось кольцо боли.

Какая-то, совсем малая, часть мозга еще боролась, еще не поддавалась древней животной панике: топор, где топор?! выронил его сейчас?! или раньше?! где-е-е?! – он лихорадочно шарил в крапиве, под руку попались обломки трухлявых, осклизлых досок, еще какое-то зловонное гнилье – нету, нету топора! – пальцы ухватили что-то небольшое и твердое, выдернули из сплетения стеблей – длинное зеленое горлышко винной бутылки, «розочку» с острыми краями. С этим пустячным оружием он извернулся назад с отчаянием схваченной крысы – и замер.

Кромсать, резать, рвать ногтями и грызть зубами оказалось некого – ногу охватывала петля заржавленной проволоки. Целый клубок ее валялся тут, на заброшенной мусорной яме, куда впопыхах влетел Леша, проломив деревянную прогнившую крышку. Никакого шевеления в зарослях крапивы не наблюдалось. Он высвободился из силка и торопливо заковылял к дому сквозь бурьян и крапиву, обходя теплицу и сарай с дальней, неудобной, самой удаленной от пруда стороны.

Очки остались где-то позади, куда он не вернулся бы сейчас и под дулом пистолета; не замеченная вовремя притолока входной двери в очередной раз врезала по макушке – Леша зашел в сени, ничего не почувствовав.

Тряслось все: и руки, и ноги, и губы, и все внутренние органы. Он, шурясь, ощупью поискал на столе стопку, не нашел, припал губами к горлышку припасенной бутылки – и не отрывался долго, зубы стучали по стеклу, пролитая водка стекала с подбородка, к которому прилипла какая-то бесформенная гнилая гадость – не то картофельные очистки годичной давности, не то еще что-то...

10

«Она меня отравила, – думал Леша, понуро сгорбившись за рулем и напряженно сощурившись – старые очки оказались на пару диоптрий слабее, чем нужно, и глаза отчаянно болели. – Точно отравила, других вариантов быть не может. И точно, она работала ведь фармацевтом, прежде чем податься в эту непонятную многоуровневую торговлю.

ЛСД или другие синтетические аналоги – все симптомы налицо, один к одному: яркие и совершенно жизненные галлюцинации наяву, другими людьми, естественно, никак не видимые...

Но зачем?

Избавиться от надоевшего зятя могла и проще – выгнать из квартиры, и все дела, я у нее не прописан, у меня вообще прописка тихвинская... А временная, студенческая, давно закончилась...

Побоялась, что уйдет и Ирина?

Хм-м... Все, конечно, может быть... Уговорить развестись с угодившим в дурдом мужем, наверное, проще... Правда, тогда должна посматривать хоть искоса, интересоваться: как подействовало? Или мастерски скрывает свой интерес к возможным симптомам? Ведь в четверг, после эпопеи с насосом, я вполне созрел для психушки...

А что будет сегодня при виде этой проклятой ямы? И телефон под рукой, недолго вызвать спецтранспорт – и в Саблино с песнями... Или куда там сейчас буйных везут...»

Женщины щебетали о своем на заднем сиденье и не обращали на его молчаливые раздумья никакого внимания, то есть вели себя вполне естественно, не проявляя ни малейшего подозрительного любопытства: теща живописала подробности недельного отдыха на даче у подруги, жена задавала заинтересованные вопросы, параллельно с неприязненным любопытством поглядывая в окно – в Спасовку ехала в первый раз, да и вообще за городом бывала редко.

Судя по мимике, окрестные пейзажи Ирину раздражали – хотя, похоже, ее бесил субботний вояж еще задолго до выезда из дома.

Инициатором поездки выступила Елизавета Васильевна, всерьез заинтересовавшись идеей сплавить молодую чету в деревню. Поэтому, закончив описание отдыха, она, наоборот, начала вслух восхищаться открывающимися видами. Тещу умиляло все: и живописно разваливающиеся избышки; и, напротив, выросшие на задах старых участков новенькие двух-трехэтажные виллы с готическими башенками; и торопливо пересекающая дорогу стайка белых гусей; и невысокие сельские водонапорные башни, в местах побогаче – окрашенные серебрянкой, в остальных – буро-ржавые. Ветеранам Второй мировой они наверняка напоминали немецкие гранаты с длинной ручкой, а психоаналитику-фрейдисту Саульскому... Ну, всем известно, что напоминает фрейдистам большинство окружающих их предметов...

Голову Леше сверлила странная мысль: наверное, его чувства, когда ногу сдавила тугая петля проволоки, были сродни ощущениям водных обитателей, накрываемых розовой марлей Лешино сачка. Тогда, в далеком детстве... Интересно, сходят с ума тритоны и жуки-пла-

вунцы? Все может быть... Если есть какая-то нервная деятельность, какие-то поведенческие реакции – отчего бы не быть и их расстройством... Но вот тещами шныряющая в воде мелочь не отягощена, это точно.

«Ладно, – мрачно подумал Леша, – дорогую тещу недолго проверить, есть у меня одна идея...»

Женщины выгрузились из машины и медленно двинулись по участку, продолжая гнуть начатую еще в дороге линию: теще все нравилось, а ее дочь воротила от всего нос, один раз даже довольно ехидно намекнув, что они с мужем, так уж и быть, готовы уступить столь приглянувшуюся дорогой маме недвижимость – в обмен на городскую жилплощадь, разумеется...

Леша благоразумно не вступал в дискуссию, отперев дом, держался поодаль и, нервно переступая с ноги на ногу, выжидал: пойдут к водоему или нет?

Не пошли – постояли на крыльце и зашли внутрь дома, продолжая о чем-то спорить... Он опасливо выглянул из-за дальнего угла сарая – у пруда все мирно и спокойно, абсолютно ничего подозрительного. Правда, наблюдается маленькое изменение в окружающем пейзаже – неизвестно куда испарился всеящий два центнера насос-«лягушка».

Исчезновение это его поначалу никак не расстроило – насос, как и Лешин мохнатый приятель, Бобик, вполне мог быть плодом заботливо подсыпанных тещей в сахарницу галлюциногенов (точно! именно в сахарницу – гости к ним не ходят, а Ирка в своей борьбе за здоровый образ жизни к «белому яду» не прикасается).

Потом, однако, он кое-что вспомнил. Вернулся к «четверке», пошарил в бардачке. Достал сложенный вчетверо лист тонкой желтоватой бумаги – товарно-транспортную накладную на «лягушку». На вид – совершенно реальная бумага, шуршит в руках, на галлюцинацию никак не похожа, печать вот круглая: ЗАО «ЛенспецСМУ-25», в углу три масляно-грязных отпечатка пальцев, оставленных перевозившим агрегат шофером...

Спрашивать жену или тем более тещу, видят ли они сей документ, не хотелось – первый шаг к психушке, понятное дело.

Леша оторвал краешек накладной, свернул трубочкой, чиркнул зажигалкой... Поколебавшись немного, сунул в желтый огонек палец – заорал, уронил мини-факел, затоптал торопливо, долго дул на вполне материальный и жутко ноющий волдырь. Разозлился сам на себя: совсем ты, мужик, дошел! Да сперли твой насос, обычное дело. Увидели, что плохо лежит, и укатили ночью – в хозяйстве вещь полезная...

Злость на себя, на жену, на тещу, на проклятого прудового жителя нарастала, и он торопливо пошагал к крыльцу, пока не прошел боевой запал этой злости...

– Алексей, вы не видели мою сумку? Она лежала здесь, на крыльце... – теща вышла из дома с очень недовольным выражением лица, похоже, так и не договорившись ни о чем с дочерью.

– Я... ее... – промямлил Леша, вытирая холодную испарину со лба, – я ее туда... к пруду снес...

– Зачем? – теща удивилась совершенно искренне.

Понятно... Все правильно, почему ей знать, где и откуда полезут вызванные ее отравой призраки – из пруда или из городской канализации...

– Я... ну, думал... может, перекусим... ну, на свежем воздухе...

– Зря вы так думали, – ледяным тоном отрезала Елизавета Васильевна, обладавшая незаурядным даром без единого грубого слова дать Леше почувствовать, какой он кретин, дебил и полный дегенерат... И уверенной, быстрой походкой пошла за сумкой, не снисходя до просьбы принести ее обратно.

Леша злорадно смотрел на ее летний брючный костюм и шляпу с невероятно широкими полями. По случаю выезда в безлюдное загородное местечко теща позволила себе некую экстравагантность в наряде, сказать, что цвета ее одежды были кричащими, – ничего не сказать.

Они не просто кричали – они истошно вопили, пронзительно свистели, подпрыгивали на месте и размахивали конечностями. А воздействием на сетчатку глаза немногим уступали светошумовой гранате «Заря».

Если тот, кто сидит в пруду, реагирует на внешние раздражители не только в лице Леша, то... Но и он внес свою маленькую лепту, осторожно положив на дальнем берегу сумку и отойдя на безопасное расстояние, зашвырнул в пруд два кирпича...

Теща обходила пруд, стараясь не наступить на кучки гниющих водорослей. Леша, затаив дыхание, следил за нею и сам не знал, чего хочет больше – чтобы все оказалось его горячечным бредом или...

11

– Мама?!

Ирка – встрепанная, с пылью в волосах – все-таки услышала, что-то услышала, находясь в доме. Плеск воды? Сдавленный крик, перешедший в бульканье?

– Виноградов, где мама? – глаза ее метались по участку, как два напуганных крысенка.

Он медленно повернулся к ней, выпрямившись во весь рост, развернул плечи и ответил после тяжелой паузы:

– Разве я сторож маме твоей? И у меня есть имя.

Сделал три уверенных шага к крыльцу и повторил отдельно:

– У меня. Есть. Имя.

Ирина смотрела на мужа сейчас (и всегда!) сверху вниз, она вообще была на четыре сантиметра выше, но под его давящим взглядом из-под очков сжалась, ссутулилась, отступила назад, сказала неуверенно, прислонившись к двери:

– Ты чего, Вино... Леша?

– Ничего, все в порядке, – жестко улыбнулся он уголками губ, поднимаясь по ступеням. – Пошли в дом. В *наш* дом.

Конечно, ничего этого не было. Все это Леша представил, пока теща возвращалась от пруда с сумкой. А Ирка действительно выскочила на крыльцо с совершенно ледяным лицом. Леша попытался принять тот суровый и мужественный вид, который только что вообразил: напряг скулы, стиснул кулаки и распрямил узкие плечи – и тут же скривился, сдавив невзначай ноющий волдырь ожога.

Ирина не обратила никакого внимания на его мимические попытки, прошла к машине, не глядя ни на мать, ни на мужа.

– Запирайте дом, Алексей. Мы уезжаем, – Елизавета Васильевна явно не собиралась посвящать его в подробности разговора с дочерью и в детали принятых (или отложенных?) решений.

– Но ведь... мы ведь еще... постройки... теплица, фундамент для бани... – залепетал Леша совсем уж невразумительно.

– Мы уезжаем, – повторила теща с плохо скрытым презрением.

Если бы кто-то сказал этой высокой, моложавой, абсолютно спокойной женщине, что зять подозревает ее в отравлении (его? этого слизняка?) – она смеялась бы долго, весело и абсолютно искренне. Ну и возомнил зятек о себе! Да чтобы растереть такого в порошок, достаточно одного слова и короткого взгляда, а потом хорошенько проветрить комнату...

12

«С этим надо кончать. С этим надо кончать», – твердил Леша про себя два последних дня.

Не конкретизируя, впрочем, с чем ему покончить: с такой вот непутевой семейной жизнью, с осточертевшим обществом тещи или с тем, кто живет в пруду. Наверное, он имел в виду все сразу. Но начать решил именно с пруда.

Последняя попытка должна стать окончательной. Довольно. Хватит. Где бы ни была проклятая яма – в его мозгу или на дедушкином огороде, – сегодня и сейчас он с ней покончит. Убьет всех таящихся на дне призраков и зысыпет самосвалом песка, если надо – двумя самосвалами. А потом разберется и с другими проблемами. Пришло время.

Он поднес огонек зажигалки к кембрику, плотно набитому спичечными головками – в воде такая штука не гаснет, горит никак не хуже бикфордова шнура. Кембрик исчезал в недрах толстой трубы – корпуса старого автомобильного насоса. Чтобы снарядить это оружие вездия, пришлось вспомнить все навыки пиротехника-любителя времен средних и старших классов (а нынешние, ха-ха! – так вот не смогут, куда уж им, избалованным китайскими ракетами да петардами).

Но основная убойная сила отнюдь не в насосе, он только должен привести в действие главное оружие – плотно забитый, загерметизированный корпус с четырех сторон сжимали крутые бока здоровенных, двадцатипятилитровых бутылей толстого стекла. Бутылей с концентрированной серной кислотой – центнер с лишним чистого олеума. Или не олеума? С химией у него в школе обстояло еще хуже, чем с геометрией, но не надо быть Менделеевым, чтобы понять – такая доза убьет и растворит все, что угодно. И кого угодно.

Содержимое кембрика вспыхнуло, огонь пополз внутрь пластиковой трубочки, выбрасывая наружу искры и вонючий сизый дымок.

«Раз...» – сказал про себя Леша.

И поспешил (стараясь, однако, не слишком топтать) к другому, снабженному противосомом, концу деревянной конструкции, отдаленно напоминающей не то самый древний из шлагбаумов, не то журавля над деревенским колодцем.

Старина Архимед не подвел, закон рычага сработал без осечки – чудовищный заряд, раза в полтора тяжелее своего создателя, осторожно проплыл по воздуху и застыл над самой серединой пруда; аккуратно, без плеска, коснулся поверхности и медленно погрузился почти полностью – над поверхностью торчал лишь дымящийся кембрик.

«Двенадцать... тринадцать...» – дрожащей рукой Леша выдернул заранее воткнутый в дерево конструкции скальпель. Полоснул по натянутому струной нейлоновому шнуру – тут же, не ожидая падения на дно заряда и реакции на это тех, кто сидел в пруду, бросился бежать. Не в слепой панике, как в прошлый раз, а заранее выбранным и выверенным маршрутом.

Оказавшись в безопасном далеке, выглянул из-за угла сарая, продолжая отсчитывать секунды. Сработало на тридцать пятой.

Пуф-х-х-х!!!

Не очень эффектно, взрыв сквозь толщу воды донесся негромким глухим хлопком, но бутылки он наверняка разнес. И Леша знал: сейчас там, у дна, царил ад.

Ему казалось, что поверхность вздулась огромным пузырем, потом вздыбилась концентрическими кругами – может, действительно на дне подышал кто-то большой, а может, просто затихала ударная волна взрыва – отсюда, издалека, разобрать было трудно. Но скоро все успокоилось – ни единой капли не выплескивалось над зелеными берегами...

Вот и все.

Так просто. Больше в пруду никто не сидит. Можно зарывать. Ничего и никого живого в этой луже теперь нет. «Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется», – дурацкая песенка крутилась в голове победным маршем.

Леша улыбнулся – именно так, как не получилось у него в субботу на глазах у жены. Ну, с женой и тещей разговор еще будет...

Выждав для гарантии несколько минут, он направился к пруду неторопливой и уверенной походкой человека, хорошо сделавшего главное и трудное дело.

...Он не ошибся – ничего живого действительно в пруду не осталось, а что осталось – в мучениях издыхало. Но главного Леша никак не ожидал – пруда как такового тоже не было.

Воронка – без воды. Крутые склоны покрыты липкой грязью. Там бьются умирающие, с разъеденной чешуей и выжженными глазами рыбы (надо же, водились ведь и вполне крупные!) – разбрасывают в стороны брызги ила и воды, ставшей внезапно такой жгучей и ядовитой. Одни из рыб замирают навсегда, другие скатываются вниз, на дно... нет, дна у воронки не осталось (или никогда не было?), вместо него – ровный, чуть больше метра в диаметре, круг бездонного на вид провала. Или норы. Или шахты. Или дыры, ведущей непонятно куда и уж совсем непонятно зачем...

«Это куда же я прожег...» – оторопело подумал Леша, затрудняясь определить, что же именно он прожег. И тут пришел звук, пришел оттуда, снизу, из глубин дыры – звук напоминал шкворчание масла на раскаленной сковородке... Если вылить цистерну масла на сковороду с футбольное поле размером.

«Бежать!!!» – Команда мозга не успевает дойти до мышц, все происходит слишком быстро.

В верхней, кое-как освещенной дневным светом части шахты возникает бурлящая, пузырящаяся масса. Не вода, воды в этой жиже мало – слизистое, неоднородное месиво. Кажется – там мелькают в безумном танце и извивающиеся куски чего-то еще живого, и только что ставшего мертвым, и бывшего мертвым всегда, а может, это только кажется. Рассматривать некогда – чудовищная пушка выплевывает чудовищный заряд. Кошмарный гейзер взлетает над воронкой и тут же падает. Горячая, обжигающая слизь летит во все стороны.

Возвращаются назад не только улыбки. Заряды кислоты – тоже.

...Наверное, он рефлекторно успел прикрыть лицо ладонями... или очки спасли глаза... – и Леша продолжал видеть, несмотря на дикое жжение на лице и руках, залитых кипящей грязью. Инстинктивно рванулся туда, где виделось спасение – к бочке, к старой железной бочке с дождевой водой – скорей окунуться, скорей смыть проклятую гадость, разъедающую одежду и кожу...

До бочки десяток шагов, не больше, но ему казалось, что он бежит целую вечность – земля то уходила вниз, то резко бросалась навстречу. Ноги подкашивались, как после непомерной дозы спиртного. Он рухнул на четвереньки, продолжая попытки поползти, добраться. Ничего не получалось, и тут сошедшая с ума земля нечаянно помогла – вздыбилась, опрокинула бочку навстречу.

Он жадно нырнул в хлынувший благодатный поток, на секунду позабыв обо всем, что творилось вокруг, – смывал ядовитую слизь и срывал расползающуюся под руками одежду, спасительная река иссякала, он зачерпывал уже с земли жидкую грязь, втирая ее в горящее огнем лицо, но это была целительная грязь, спасающая, умеряющая невыносимое жжение...

Когда он наконец смог взглянуть вокруг – кто знает, секунды не исчезли, просто потеряли всякое значение... – кипевшее буйство неведомых сил все еще продолжалось... Сначала в глаза бросились последствия землетрясения (землетрясения? – да черт его знает, он никогда не попадал в землетрясения, но ничего иного на ум не приходило, да и некогда ломать голову).

Вставшая дыбом земля, столь удачно опрокинувшая бочку, так и осталась вздыбленной – в виде вала, покрытого глубокими трещинами и разрывами дерна, широкого и невысокого вала – больше всего увиденное напоминало след исполинского, со слона размером, крота, проползшего у самой поверхности.

Вал проходил как раз под старым домом – точнее под тем немногим, что осталось теперь от него и от сарая – лишь на отшибе, чуть в стороне, как гнусная издевка, стояла совершенно целая дощатая уборная... Плодовые деревья, по корням которых прошел вал, наклонились в разные стороны, два огромных старых тополя у дороги просто рухнули; асфальт проезжей части вспух неровными, словно обгрызенными, плитами... Там же, у выкорчеванной колонки, бил из разорванной трубы чистый и звенящий родник...

«Туда, туда!» – жжение вернулось, лицо припекало. Он поднялся на ноги, подземные толчки не исчезли, но ослабли, он приноравливался к ним, как моряк к качающейся палубе корабля... Поднялся и увидел – вспучивший землю вал не закончился ни на его участке, ни на порушенной дороге – уходил, слегка загибаясь, в поле; зацепил наискось участки новой застройки (там что-то горело-дымило и доносились приглушенные расстоянием крики).

Но, самое главное, – вал продолжал расти!

Крот-гигант продолжал работу со скоростью быстро бегущего человека. Леша, позабыв про стремление к роднику, завороченно следил, как вспухает, вздыбливается заросшее люцерной поле, как вал приближается к бетонным опорам шестикиловаттной линии. Готово, одна накренилась, зависла на вытянувшихся струной проводах («голова» вала проползла дальше) и рухнула – треск, синие молнии бьют в землю, и она, земля, набухает уже не в длину – неподвижным, растущим лишь в ширину и в высоту исполинским холмом-нарывом...

И тут тряхнуло по-настоящему, тряхнуло так, что все предыдущее показалось легкой разминкой и прелюдией: земля встала вертикально, зеленой, топорщащейся кустами и деревьями стеной – и тут же рухнула обратно, презирая все законы гравитации – рухнула, чтобы сейчас же вздыбиться снова.

Трещины распахивались хищными ртами. Захлопывались обратно – со всем, что в них провалилось...

Воздух выл.

Он просто отключился на какое-то время – защитная реакция организма, не предназначенного эволюцией для таких свистоплясок, а когда снова включился, все закончилось и стало совсем иным.

...Леша лежал на дне котловины – круглого большого провала в земле, диаметром, пожалуй, около километра, трудно точно определить, где заканчивается все более пологий склон и начинается первозданное ровное поле. Дом, вернее остатки Лешиного дома, оказались почти в самом центре котловины, где землю больше всего истерзали разломы и трещины. И из этих трещин начала сочиться вода, с каждым мигом усиливая напор. Она тут же смывала слизь и мусор, мешалась с вывернутой темной землей, превращаясь в мутную жидкость, почти в жидкую грязь, но он видел, что изначально это самая обычная вода, прозрачная и чистая...

Все действительно кончилось, понял Леша. Того, кто сидел в пруду (да нет, конечно под прудом!), больше нет.

Сдох, сдох, сдох!!!! Или навсегда сбежал...

Бог знает, кем или чем было это и зачем проковыряло щелку-глазок в стене между мирами... Да и черт с ним, пропади оно пропадом...

От таких размышлений – одновременно он зачерпывал сочащуюся под ногами муть и обливал не перестающие припекать лицо и тело – от этого простого и приятного занятия Лешу оторвала мысль, что скоро он окажется на дне красивого круглого озера глубиной метров двадцать-тридцать. А для заплывов на длинные дистанции сил совсем не осталось...

Леша поспешил наверх, не глядя по сторонам и не слишком выбирая дороги – и тут же застрял в месиве из упавших стволов, веток и листьев, месиве, бывшем совсем недавно так понравившейся ему осиново-березовой рощицей. Пришлось обходить, вода догоняла, заливала ноги, он уже не видел, куда ступает, пару раз провалился, наступил на что-то острое и, наконец, рухнул на траву, оставив между собой и наступающей водой изрядное расстояние.

...Всю котловину новообразовавшийся водоем не заполнил – примерно треть, никак не более. Переставшая прибывать вода образовала круговое течение, быстро затихавшее. По поверхности озера радостным хороводом кружили всплывшие остатки Лешиного дома, построек и мебели... Извлечение «четверки» без мобилизации водолазной техники было делом малореальным. На пороге своего дома – покривившегося, перекошенного, но устоявшего – стоял дед Серега и, судя по жестам, отчаянно матерился. Откуда-то доносились звуки сирены.

Он подковылял к урезу воды – полуголый, обожженный, с непонятно как уцелевшими очками на носу – одно стекло треснуло. Зачем-то пощупал воду, словно собирался купаться... Растерянно разлепил почерневшие, треснувшие, покрытые запекшейся кровью губы:

– Хрен продашь теперь наследство... Только пруд и остался...

Все остановилось, застыло – не было даже ветра. Леша стоял неподвижно. Надо было куда-то идти, что-то делать, кому-то пытаться объяснить, что здесь стряслось в прямом и переносном смысле – вместо этого он присел на землю. Сидел совсем как десять дней назад сидел на берегу крошечного пруда, наблюдая за застывшими у кромки водорослей крошечными карасиками. Пришедшую тогда мысль, что в озерах эти крохи вырастают о-го-го какими, Леша сейчас не вспомнил...

Водоворот затих окончательно. Обломки остановили свое вращение. Лишь кое-где мутноватое зеркало воды морщила рябь. Легкая рябь...

Голубой квадрат неба

Пролог

Глубокая ночь. Одинокая машина на загородном шоссе. Фары вспарывают темноту как скальпель. Как световой скальпель джедая, увлекшегося на досуге патологоанатомией. Рукоять джедайского скальпеля «Хонда Цивик», недавно разменявшая второй десяток. Не окончательно еще превратилась в «ведро с гайками», но процесс превращения зашел далеко.

Водитель – парень лет двадцати пяти – в салоне «Хонды» один. Голос Шнура из динамиков – не слишком громко, просто чтобы не задремать. И все равно клонит в сон. Визуальных впечатлений почти нет: монотонно мелькают обочины, изредка появляются на них дорожные знаки, издалека видимые, светящиеся отраженным светом – неприятным и неживым, словно вдоль дороги растут гигантские поганки-люминофоры на тонких ножках.

Фары выхватывают из темноты фигуру человека, стоящего на обочине. Но какую-то странную фигуру... Голова... «Что у него вместо головы?» – недоумевает водитель. Нога перестает давить на газ, но тормозить парню тоже не хочется. Он всего лишь пытается понять, что же такое видит...

Будь владелец заслуженной «Хонды» более подкован в гуманитарных науках, наверное, сразу бы подумал о древнеегипетских богах. О жутковатых созданиях, сочетающих тело человека с головой птицы или собаки.

Но парень в науках не искушен. И думает проще: «Что за хренотень...»

Руку, вытянутую в останавливающем жесте, водитель игнорирует. Еще чего... Все его внимание сосредоточено на непонятной мохнатой голове.

Загадочный силуэт мелькает за боковым стеклом, совсем рядом. И опасливое недоумение водителя тут же исчезает без следа.

Кот!

Всего лишь кот, устроившийся на плече своего хозяина. Вернее, хозяйки... Парень толком не рассмотрел ее, вглядываясь в загадочную голову, оказавшуюся вовсе не головой. Но успел понять, что на обочине голосует женщина.

Нога жмет на тормоз. Возможно, водитель испытывает некое чувство благодарности за то, что странная заморочка разъяснилась легко и буднично. Или просто любит кошек.

«Хонда» останавливается. Водитель смотрит в зеркало. Никого не видно, далеко укатил, пока сомневался, тормозить или нет... Решает проехать полсотни метров задним и не успевает воплотить решение в жизнь.

Пассажирская дверь распаивается. Он изумлен – как? когда успела выдать рекордный спринт?

Через мгновение изумление сменяется другим чувством – когда водитель в тусклом освещении салона видит, *кого* он решился подвезти...

Он выкатывается из «Хонды» и бросается в ночь. Стремглав пересекает проезжую часть, прыгает в кювет, каким-то чудом не сломав и даже не подвернув ногу, карабкается по откосу, затем долго несется не то по полю, не то по пустырю, покрытому кочками и рытвинами. Споткнуться и упасть здесь – плевое дело, но он не спотыкается и не падает. Потом нога все-таки за что-то цепляется, водитель валится лицом вниз. Кровь грохочет в ушах, и кажется, что это топот погони.

Но его никто не преследует. «Хонда» уже развернулась и покатила обратно – туда, где горизонт подсвечен огнями огромного города.

До рассвета остается несколько часов.

Глава I

Не прячьте ваши денежки по банкам и углам

1

Систему «Банк-Клиент» пришлось устанавливать на компьютер заново. А некоторое время спустя придется вновь снести. Не слишком-то удобно, но рисковать Кристина не привыкла. Муж к ее компу никогда не подходил, даже через плечо не заглядывал: чем там благоверная занимается? Но в жизни случается всякое, и впустую рисковать она не желала.

Вдруг ее не будет дома и что-то случится сразу с обоими ноутами Михаила, а ему срочно понадобится выйти в Сеть? Мобильные устройства он не любил за их крохотные экранчики, но при надобности конечно бы воспользовался. Однако банкиры – люди консервативные, по меньшей мере, в этом отдельно взятом банке... В корпоративный «Банк-Клиент» можно зайти лишь при помощи одного-единственного браузера, старого доброго «Internet Explorer», причем не с мобильных версий, а с тех, что на планшет или телефон не установить.

И что бы Михаил сделал при поломке своих ноутов? Он в таком гипотетическом случае наверняка воспользовался бы техникой супруги... Поставить пароль недолго, разумеется, но сразу возникнет вопрос: с чего бы? Пятнадцать лет не ставила, а тут вдруг...

Скинутые с флешки файлы распаковались, на рабочем столе компьютера появился значок с логотипом банка, она кликнула по нему.

Вскоре браузер доложил: сертификат данного веб-узла либо просрочен, либо отсутствовал изначально, так что пользователю настоятельно рекомендуется покинуть страницу и не связываться с этим крайне подозрительным узлом.

Она проигнорировала предупреждение, выбрав опцию «продолжить открытие веб-узла». Все правильно, это всего лишь первый, самый простенький слой защиты – от людей, случайно заскочивших сюда в странствиях по Интернету. Чтобы не баловались, пытаюсь подобрать пароль...

Экран окрасился серым. В центре появились два окошечка и клавиша «Авторизоваться». Она ввела две последовательности из десяти цифр каждая, кликнула по клавише. Недолгая пауза показалась бесконечной. Сейчас в ее действиях появился неизбежный риск... Если пароль сменился, сообщение о попытке введения неправильного пароля тут же уйдет к владельцу счета. Как она предполагала, вместе с координатами точки входа.

Конечно, и эта проблема вполне решаемая. Для других. Она лишь теоретически представляла пути решения: тайно купить ноут, избавиться от опеки охранников, устроиться на лавочке где-нибудь в городском дворе, присосаться к чужому незапароленному «wi-fi»... Но если регулярно, раз в неделю, в один и тот же день, избавляться от охраны, то... Ничем хорошим не закончится. Она надеялась на консерватизм Михаила, никогда и ничего без веских причин не менявшего. «Не чини, что работает», – любит он говорить. А еще: «Лучшее – враг хорошего...»

Авторизация прошла успешно. «Вас приветствует система ДБО BS-Client АКБ «Техстройпромбанк»», – сообщил экран. «Вас» – означало человека с абсолютно неизвестными ей фамилией и именем: Эдгар Соловьев. И не просто Эдгар, а Эдгар Макарович.

Ей иногда при виде таких анкетных данных представлялся алкоголик Макар Соловьев, неделю не просыхающий после рождения чада – и работницы ЗАГСа, расшифровавшие как «Эдгар» его пьяное мычание... А иногда представлялась мадам Соловьева, подсевшая на мыльные оперы и именно из них позаимствовавшая имечко для сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.